

A black and white photograph of a man with a shaved head and a short beard, wearing a dark, heavy raincoat. He is holding a handgun in his right hand. The scene is set in the rain, with vertical streaks of water falling around him. The background is dark, and there are some light particles or dust in the air.

**АРКАДИЙ
НЕМИНОВ**

UNIKUM ORDINARIUM:

**СУПЕРМЕН
ПОНЕВОЛЕ**

16+

Аркадий Неминов
Unikum ordinarium:
СУПЕРМЕН ПОНЕВОЛЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57240863

SelfPub; 2020

Аннотация

Студент-медик Артем Силин оказался запертым в подвале особняка своего случайного работодателя, нанявшего его синтезировать некое вещество с уникальными свойствами. У Артема есть только два выхода: остаться в чужом доме, чтобы стать безропотным орудием в руках жаждущего наживы бизнесмена, либо, не смирившись, погибнуть. Но, как выяснилось, существует и третий вариант...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	66
Глава 9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

Я брел по облаку. Идти было, как ни странно, трудно. Я всегда думал, что облака – легкие, почти невесомые, как пух, но на деле все оказалось иначе: они были наподобие густого, молочно-белого киселя, вязкого и плотного, как болотная жижа. Я шел уже довольно долго, едва переставляя ноги, и мне казалось, что это никогда не закончится.

Вокруг меня простиралась бескрайняя белая пелена, местами прорываемая обрывками ветра, неизвестно откуда взявшегося, и тогда в эти прорехи проглядывало бирюзовое небо. Я шел долго. На мне были мои любимые синие потертые до белесости джинсы, свободная голубая хэбэшная рубаха в крупную клетку с короткими рукавами и старые «адидасовские» кроссовки. За спиной – небольшой, но достаточно весомый, походный рюкзак – подарок отца на день рождения.

Голова моя была пуста и гулка, как пивной котел. Почему-то именно это сравнение с неведомой мне емкостью показалось наиболее подходящим в данном случае. Я ничего не знал про себя, кроме своих предпочтений в одежде, не знал, куда и зачем иду, и почему оказался на небе. Я не знал даже, что находится в моем собственном рюкзаке! Но зато абсолютно точно знал одно: во что бы то ни стало я ДОЛЖЕН идти, пусть и вопреки логике, идти сквозь этот густой ту-

ман по вязкому облачному болоту, идти, пока хватит сил...

Проснулся я с больной головой. Немного полежал с закрытыми глазами, приходя в себя. Опять этот сон! Что же это может означать? Почему я так отчетливо помню каждое мгновение своего бесконечного воображаемого путешествия в никуда? Ведь раньше я редко запоминал сновидения.

Я откинул одеяло и сел на кровати, затем пошарил часы под подушкой: ого – до лекций оставалось каких-нибудь десять минут! Придется опять пропускать пару! Васька опять начнет бухтеть, что подаст в деканат сведения о пропуске занятий, и меня лишат стипендии за прогулы и опоздания. Какой же он зануда – этот наш многоуважаемый староста Василий Иванович! Ну и черт с ним, пускай лишают!

Я тряхнул головой и с облегчением почувствовал, что тиски, сжимавшие мой мозг, чуть ослабли, а боль ленивым ужом стала потихоньку выползать из черепной коробки. Сознание постепенно прояснялось.

Одеваясь, и на ходу жуя бутерброд, одним глазом я косил на часы, нервно тикающие на стенке, а другим – на учебник по Физиологии человека под редакцией Покровского и Коротко, раскрытый еще со вчерашнего вечера на странице с темой о «нейронных комплексах и их роли в деятельности центральной нервной системы».

Мне, студенту четвертого курса мединститута, эта тема была, как никогда, близка. Еще с самого детства, сколько

я себя помнил, меня интересовали глубинные возможности человека. Ведь именно тогда, в возрасте двенадцати лет я увидел ту передачу по телевизору, которая перевернула во мне все имеющиеся представления о человеческом организме.

Сюжет, показанный в рамках некогда популярной передачи «Очевидное – невероятное», был о женщине, которая под воздействием сильнейшего стресса смогла остановить голыми руками катящийся на ее ребенка огромный грузовик, оставленный без присмотра беспечным шофером. Известный профессор-ведущий выдал тогда фразу, застрявшую в моей голове навсегда: «человеческий мозг, управляющий нашим телом и заставляющий творить настоящие чудеса, изучен современной наукой не больше, чем на пять процентов, поэтому мы пока не в состоянии понять загадочную природу возникновения сверхъестественных способностей человека».

В ходе передачи также была высказана мысль о том, что толчком к возникновению таких способностей всегда играла неординарная ситуация, в которую попадал индивидуум. Это мог быть и сильнейший стресс по разным причинам, и какая-либо травма головы, и поражение электрическим током, и, что чаще бывало, пробуждение после клинической смерти или глубокой комы.

В таких случаях, по всей видимости, запускались некие механизмы, заставлявшие наш мозг работать в другом рит-

ме, в другом диапазоне, что и приводило в конечном итоге к ошеломляющим результатам.

Став постарше, я прочитал уйму литературы по этому поводу, но вопросов меньше все равно не стало. Окончив школу, я твердо знал, чему посвящу свою жизнь. Другого, более интересного занятия, я себе уже не представлял. Поэтому свой выбор я остановил на местном мединституте, справедливо полагая, что, если уж и есть наука, способная ответить на мои вопросы, то это, безусловно, медицина.

Но пока до этого было далековато, да и Коротько с Покровским не объясняли главного. К тому же, начав изучать в институте мою любимую химию более углубленно, я по-настоящему прикипел к этой науке.

Один только вид лабораторной посуды и оборудования – все эти мензурки, реторты, колбы, плитки – вызывали у меня благоговейный восторг, граничащий с радостью первооткрывателя. Я бредил химией. Прозвище Химик, закрепившееся за мной после одной истории, ничуть меня не смущало. Совсем наоборот – я носил это имя с гордостью, хотя изначально оно имело весьма негативный оттенок.

Так меня однажды издевательски назвал наш профессор Андрей Борисович Калмыков, преподававший курс общей химии, когда на одном из практических занятий по фармакологии вместо одного соединения я, дурачась, случайно получил совершенно другое.

– Ну, вы и химик! – процедил тогда профессор, посмотрев

на меня поверх очков уничтожающим взглядом.

Но самым удивительным было то, что выведенный мною неизвестный состав, неосторожно пролитый мной потом на лабораторный стол, буквально на глазах обесцветил полустертое неприличное слово, нацарапанное на нем шариковой ручкой каким-то нерадивым студентом еще в незапамятные времена.

Этот факт меня настолько окрылил, что я тут же рядом нацарапал слово «открытие» и уже намеренно продемонстрировал удивительные свойства своего «зелья» Андрею Борисовичу.

– Ну, вы и химик! – вновь произнес он, но уже совсем другим тоном и посмотрел на меня несколько заинтересованно. – Дерзайте, молодой человек, в том же духе. Если не прославитесь на поприще фармакологии, то хотя бы в сфере бытовых услуг ваша фамилия может стать известной! Только уж, голубчик, потрудитесь предоставить мне формулу вашего чудодейственного пятновыводителя. Но, если вы не вспомните, что с чем смешивали, я со спокойной душой вкачу вам «неуд» за сорванное задание по своему предмету. Да-с!

Три недели по вечерам я засиживался после занятий в лаборатории, колдуя над проклятой формулой своего пятновыводителя, и когда, наконец, мои усилия увенчались успехом, и вновь синтезированный состав обесцветил очередную надпись на многострадальном лабораторном столе, я был

безмерно счастлив.

Дрожащей рукой я написал формулу пятновыводителя на наклейке, а под ней крупными буквами подписал: «СИЛАР». Это название, составленное от моего имени – СИЛин АРтем, я придумал уже давно. Но только теперь я имел полное право поместить его на колбу с моим составом, и торжественно вручить ее Калмыкову.

Он пожал мне руку и произнес с чувством:

– Вот теперь, уважаемый Химик, я действительно могу вас так называть. Но лабораторную работу, все же, прошу переделать. Теперь, думаю, вам это не составит никакого труда. А СИЛАР ваш рекомендую применить с пользой – у нас в институте, и кроме лаборатории, еще много испачканной мебели! – он добродушно усмехнулся. – Кстати, вы не хотели бы летом поработать вместо лечебной практики моим ассистентом в нашей химлаборатории? С вашим деканом я договарюсь!

– Сочту за честь! – только и вымолвил я тогда, ведь к тому времени я всерьез подумывал о том, чтобы перейти с лечебного факультета на фармакологический.

– Химик, ты опять прогулял первую пару?! – услышал я за спиной резкий и визгливый голос нашего старосты. – Учти, «стипуху» с тебя снимут! Мне надоело выгораживать тебя перед деканом, ты портишь мне всю отчетность! Или ты хочешь, чтобы тебя на практику заперли в какую-нибудь пси-

хушку?

– Меня это не коснется, Вася! – спокойно проговорил я. – Калмыков берет меня на лето к себе ассистентом!

Васька озадаченно посмотрел на меня, но ничего не сказал, лишь безнадежно махнул рукой. Затем мстительно процедил:

– А диплом тебе тоже Калмыков будет выдавать? Зачем ты вообще тогда пошел на врача учиться, если тебя кроме химии ничего не интересует? А, делай, что хочешь! Потом не жалуйся! – он развернулся и зашагал прочь.

– Фармацевты нужны не меньше лечебников! – крикнул я ему вдогонку, но староста меня уже не слышал.

Глава 2

Васька свое слово сдержал, и его угрозы вовсе не были пустыми обещаниями, как я думал изначально. Меня действительно лишили стипендии. Когда, разгневанный, я пришел в деканат после лекций, там как раз ошивался наш староста.

– А-а-а, вот и сам виновник торжества, – злорадно протянул Васька. – Видите, Виктор Сергеевич, – обратился он к нашему декану, – я ведь говорил вам, что это заденет его за живое! А вы сомневались!

«Так значит это Васькины проделки! – пронеслось в мозгу. – Ну и гад, а бубнил, что защищал меня!»

– Виктор Сергеевич, за что меня лишили стипендии? – оставил я без внимания Васькин выпад. – Вы же знаете, что я вечерами занимаюсь наукой, не вылезаю из химлаборатории, помогаю Андрею Борисовичу, работаю, как каторжный, порой не высыпаюсь и только по этой причине изредка опаздываю на первую пару, и вообще, моим пятновыводителем сейчас всю пользуются в институте! А это, между прочим, сэкономленные средства, выделенные на хознужды...

– Изредка?! – снова встрял Васька мстительно. – Опаздываешь?! Значит, у меня галлюцинации, если я тебя вообще не вижу на парах?..

– Знаю, знаю, я уже наслышан о вашем знаменитом СИЛАРе, который возможно к началу 21 века выведет наш мед-

вуз на недостижимую прежде высоту! – насмешливо прервал декан Васькины причитания. – Но дисциплина, уважаемый господин Силин, превыше всего! У нас в институте, как вы знаете, посещение лекций студентами – святая обязанность, залог будущей успешности в лечении людей! И я, как лицо ответственное, отвечаю за процесс обучения каждого студента, даже такого талантливого химика как вы. Надеюсь, что эта временная акция отрезвит вас, и головокружение от успеха быстро пройдет, а вы вернетесь в привычное русло учебы. Не забывайте, пожалуйста, что в стенах нашего ВУ-За обучаются искусству врачевания, а не выведения пятен, и ваше будущее место работы – лечебное учреждение, а не служба быта!

Теперь насчет практики. Ко мне уже подходил на днях уважаемый Андрей Борисович и просил отпустить вас к нему в ассистенты на время летней отработки. Я ему дал свое согласие, но с одним условием: вы не будете пропускать занятия и закончите семестр, как полагается, и пусть это послужит вам хорошим уроком на оставшиеся два месяца.

Пока он говорил, Васька стоял в сторонке, старательно хмурия брови, но по его хитрой физиономии я видел, что эта ситуация его вполне устраивает. Вот змей! Ничего, как-нибудь перебыюсь без стипендии, что-нибудь придумаю. Небось, с голода не помру!

От декана я вышел в неважном настроении. Пусть и небольшая, но стипендия меня здорово выручала. Во всяком

случае, к родителям за помощью я не обращался.

Вот уже почти три года я жил отдельно от них, несмотря на то, что проживание в родном гнездышке сулило мне, как минимум, сытое существование. Дело было в моей непомерной гордыне. Однажды, поспорив с отцом, я неосмотрительно заявил, что, как взрослый человек, вполне смогу прожить самостоятельно. И после окончания первого курса ушел из дому, сняв небольшую однушку и устроившись в ближайшей горбольнице ночным санитаром приемного отделения.

Я нисколько не жалел об этом шаге, хотя порой немного скучал по родителям. Может быть, поэтому почти сразу же я завел у себя беспородное, но очень умное животное – кота Амедео, или просто Медика, которого я так назвал в честь известного итальянского химика 19 века Амедео Авогадро. Я подобрал его в подъезде, где снимал квартиру. Крохотный серый комочек, забившийся в угол, он сразу привлек мое внимание тихим «интеллигентным» писком, будто извинявшимся за свое существование. Видно кто-то из жильцов вынес его с целью пристроить в чьи-нибудь добрые руки. С Медиком было не так одиноко, к тому же мой умный котик совсем не доставлял мне никаких неудобств. Не знаю как, но практически с первых дней его появления у меня в доме, он самостоятельно освоил лоток, словно уловив мои мысли относительно своей беспородной персоны.

Как бы там ни было, но сейчас уже целый месяц я не работал – мне до жути не хватало времени. Навалилась учеба,

а вечера я по-прежнему предпочитал проводить в лаборатории кафедры фармакологии, которой заведовал профессор Калмыков. Какие уж тут ночные бдения в больнице? Мне бы до койки добраться!.. Теперь же о лаборатории придется забыть, а жаль, ведь профессор на днях поручил мне провести один очень интересный эксперимент...

Придя домой, я первым делом стал названивать в горбольницу. Но, только услышав мою фамилию, старшая медсестра фыркнула в трубку:

– Это тот самый Силин, который срывал ночные дежурства, и которого уволили, как злостного нарушителя трудовой дисциплины?

– Ничего я не срывал! Я же звонил накануне и предупредил, что не смогу выйти из-за срочного дела, но главврач меня даже слушать не захотела!

– Ничего не знаю, тебя обратно брать не велено! Даже, если бы у нас вообще не было ни одного санитаря!

Что же делать? Неужели придется идти на поклон к отцу?! Представляю, что он скажет, какими глазами на меня посмотрит! Мне живо представилась его фирменная полуулыбка. Когда мой отец не хотел напрямую высказываться, он как-то по-особому кривил рот – получалось нечто среднее между презрительной усмешкой и язвительной улыбкой. При этом всем окружающим становилось понятно, что ничего хорошего эта гримаса не означает. А мама, как всегда, начнет суетиться, стараясь угодить нам обоим, примется судо-

можно накрывать на стол и задавать ничего не значащие вопросы, лишь бы отвлечь нас от неприятного разговора, вот-вот готового вылиться в полноценный скандал.

Нет уж, лучше я буду разгружать вагоны по ночам, только бы не чувствовать себя побитой собакой, которая, поджав хвост, ползет к своему хозяину за миской похлебки!..

Я вздохнул и вышел на балкон. Весенний ветерок тотчас обдал меня ласковой теплой волной. Как приятно! Я задышал полной грудью, и мне почему-то стало удивительно спокойно на душе, словно с терпким ароматом распускающихся тополиных почек я вдохнул и частицу некой уверенности в собственных силах. Я даже подозвал Амедео и в порыве чувств нежно потрепал его по пушистой голове, чем вызвал у моего подопечного искреннее недоумение.

Внизу искрилась каплями прошедшего недавно дождя крыша газетного киоска, на которой беспечно восседала пара голубей. Вот у кого нет никаких забот!

Стоп! Меня вдруг осенило – газеты! Надо просто поискать объявления в газете. Возможно, мне повезет, и я найду какую-нибудь подходящую работенку. Я мигом спустился вниз и уже через несколько минут с интересом рассматривал соответствующую рубрику в местной представительнице желтой прессы под говорящим названием «Городские слухи».

Мое внимание сразу привлекло одно объявление:

«Организации требуется опытный специалист-химик на хорошо оплачиваемую временную работу. Допускается ра-

бота на дому».

Это же то, что нужно! Больше всего в этом объявлении меня привлекли две фразы: «хорошо оплачиваемая» и «работа на дому». Правда я был всего лишь студентом и даже не химиком, к тому же, без опыта, но зато имел большое желание заработать, любовь к предмету и отсутствие выхода из положения, в которое попал благодаря той же химии!

В конце концов, что я теряю, если позвоню? И с замиранием сердца я принялся набирать заветный номер.

Мне ответил приветливый женский голосок. Выслушав меня, невидимая собеседница сразу спросила, если ли у меня опыт работы с химическими препаратами.

– Да, конечно, – важно объявил я, – более трех лет!

– В таком случае с нетерпением ждем вас на собеседование. Запишите адрес! – проворковала она.

На другой день я еле дождался конца последней пары. Видимо, в предвкушении волнующей встречи у меня был такой загадочный вид, что даже Васька озабоченно поинтересовался, не надо ли мне чем-нибудь помочь.

– Ты мне уже помог! – огрызнулся я. – Спасибо на добром слове!

Он лишь развел руками.

Дом, в котором находилась искомая организация, представлял собой старый обшарпанный двухэтажный особняк, располагавшийся в конце улицы. За ним простирался пу-

стырь. Само здание было огорожено высоким металлическим забором с большими воротами, на которых мигали красными глазками две видеокамеры, охватывающие всю прилегающую территорию.

«Солидно устроились, ничего не скажешь!» – подумал я, нажимая на звонок калитки. Она тотчас распахнулась. На пороге возник краснолицый охранник с приплюснутым, явно перебитым носом, в строгом черном костюме. Он пробурлил меня пристальным взглядом и грозно осведомился:

– Вы к кому?

– Я по объявлению.

– Проходите! – Он закрыл за мной массивную калитку, и еще раз оценивающе оглядел меня с ног до головы, затем хмуро кивнул, приглашая следовать за собой.

Внутренний дворик был чисто убран, чувствовалось, что здесь не обошлось без помощи ландшафтного дизайнера. В отличие от особняка, придомовая территория была оформлена с большим вкусом и знанием дела. Цветы и газоны, дорожки, мощенные красивой разноцветной плиткой, и вазоны, небольшие скульптуры и даже маленький прудик с фонтаном – все это явно диссонировало с внешним видом самого дома, как бы подчеркивая его старинную угрюмость.

Мы шли по длинному коридору первого этажа, освещенному тускловатым дежурным светом, лившимся откуда-то сбоку. Толстая ковровая дорожка на полу приглушала наши шаги. Ни единого звука не доносилось из-за закрытых две-

рей четырех помещений, мимо которых мы проходили, лишь полосы света из-под них выдавали присутствие там людей.

«Как в казематах», – пришло мне в голову сравнение, и стало как-то не по себе.

Мы остановились в дальнем конце коридора у торцевой двери. Мой сопровождающий легонько постучал.

– Войдите! – раздался негромкий приятный голос.

Охранник распахнул дверь, и я невольно зажмурился от нестерпимого света, ударившего меня по глазам. В огромном кабинете, ослепительно ярком от отблесков большой хрустальной люстры под высоченным потолком, я не сразу заметил неприметного лысого человечка, сидящего за большим столом, уставленным дорогими письменными принадлежностями и аксессуарами – под стать роскошному интерьеру. Массивные дубовые панели, картины в золоченых рамах, явно старинная, хорошо отреставрированная мебель, буквально кричали о богатстве их хозяина.

– Присаживайтесь, молодой человек, вон на тот стул, что у стены, – проговорил лысый, улыбаясь. – Мне передали, что вы якобы имеете опыт работы в интересующей нас области, но, я вижу перед собой юношу! Для меня это загадка! Вы позволите, милостивый государь, ознакомиться с вашей трудовой книжкой? – его немного дребезжащий голос и старомодный стиль речи удивительным образом вписывался в архаичный интерьер.

– Видите ли, я еще пока студент четвертого курса, – про-

мямлил я, нервно теребя бейсболку. – Просто ваша девушка не совсем правильно меня поняла. Я сказал только, что уже три года занимаюсь химией. Мне на курсе даже дали прозвище – Химик! И это действительно так! Понимаете, я буквально днюю и ночую в химической лаборатории нашего мединститута, а совсем недавно мне удалось даже самостоятельно синтезировать одно очень эффективное средство для выведения пятен. Правда, я еще не успел его запатентовать, но...

– Хм, – перебил меня лысый и потер крутой лоб, – это похвально, конечно. А скажите, молодой человек, ваши родители, что же, на все это смотрят спокойно? – он быстро взглянул на меня и забарабанил короткими толстыми пальцами по столу.

– А у меня нет родителей! – вдруг вырвалось у меня неожиданно. – Я живу совершенно один, так уж случилось, и мне именно сейчас позарез нужна работа, ведь помочь мне некому!..

Я выпалил это одним духом, хотя в душе тут же стал проклинать себя, на чем свет стоит, ведь я понимал, что такие слова, пусть и для пользы дела, произносить даже мысленно большой грех!

– Вот как! – разволновался мой визави.

Он встал из-за стола и подошел ко мне, такой маленький, кругленький, улыбчивый, с розовой блестящей лысиной.

– Так это меняет дело! – Он протянул мне пухлую ладо-

шку: – Давайте знакомиться, меня зовут Иннокентий Вениаминович, я руковожу нашей небольшой, но дружной компанией, а как вас величать, юноша?

– Артем Силин. Очень приятно! – я вскочил со стула, оказавшись на целую голову выше моего приветливого собеседника, и с жаром затряс его руку.

– Артем Силин, – эхом повторил он в задумчивости. – Хм... У вас, юноша, довольно распространенная фамилия!.. Ну, что ж, и мне очень приятно! – Он уселся на свое место и через небольшую паузу вдруг сказал: – Думаю, вы нам подойдете! – при этом он снова растянул пухлые губы в приветливой улыбке.

– А что я должен делать-то? – от радости, что так быстро нашел работу, я готов был его расцеловать.

– О, я уверен, что с той небольшой работой, которую мы вам хотим предложить, вы справитесь без затруднений. Тем более, у вас есть для этого и возможности, и время, и желание, и даже лаборатория! Не так ли? – и он дружески мне подмигнул.

Я только растерянно кивнул и улыбнулся ему в ответ.

Глава 3

Директор некоторое время разглядывал меня, словно пытался понять, какое впечатление произвели его слова, затем продолжил:

– Видите, ли, уважаемый Артем, прежде чем я поясню суть задания, хотел бы вас предупредить, что, поскольку в нашей компании не принято набирать в штат студентов, официальная сторона нашего, так сказать, соглашения будет несколько... – он пощелкал пальцами, подбирая слово, – скомкана, что ли. Другими словами, работать вы у нас сможете без какого-либо контракта или трудового договора! Поймите, я иду на такие нарушения исключительно ради вас...

– Да-да, конечно, я все понимаю! – поспешил я его успокоить. – Спасибо вам за это. Ничего страшного, пусть будет неофициально, ведь вы же не станете меня обманывать?

– Ха-ха-ха! – гулко рассмеялся Иннокентий Вениаминович. – Голубчик мой, о чем вы говорите?! У нас контора солидная, как вы уже, наверное, догадались, но, чтобы вы не сомневались, а также в знак доверия и моего к вам расположения, я готов выплатить вам аванс в размере, скажем, одной тысячи долларов! Что скажете? – он прищурился.

Я потерял дар речи. Тысяча баксов! За что? Я ведь даже не знаю, что мне предстоит делать! А вдруг я не справлюсь,

а деньги потрачу! У меня мгновенно перехватило дыхание, когда я представил мерзкую физиономию давешнего охранника. Уж кто-кто, а такой мордovorот, как он, вытрясет из меня вместе с бабками и всю душу!

– Уважаемый, Иннокентий Вениаминович, – начал я уныло, – еще раз спасибо вам за доверие, но, пока я не пойму, чем именно мне предстоит заниматься, никакого решения принимать не буду!

– Конечно, конечно, я вам сейчас все расскажу. Все очень просто! У меня имеется весьма древний рецепт некоего состава, который вам надо будет синтезировать в лабораторных условиях! В нем есть всё: составляющие, дозировка, подробное описание последовательности процесса, но... – он сделал паузу и театрально закатил глаза, – для непосвященных это – филькина грамота, к тому же, я не уверен, насколько этот состав безобиден в готовом виде! Вы меня понимаете? А вдруг он сильно горюч или, не приведи Господь, взрывоопасен! Ведь это – риск, поэтому и нужен опытный специалист-химик, который свел бы этот риск к минимуму.

– А что это за состав? – я искренне изумился такому повороту событий. Я ожидал чего угодно, но не этого! Какой-то древний состав... – Уж не алхимия ли это? – последнюю фразу я невольно произнес вслух.

– Все может быть! – загадочно проговорил Иннокентий Вениаминович. – Я и сам так думаю! Понимаете, мы нашли его в этом особняке, который я приобрел не так давно, в

одном из старых сундуков, что откопали в подвале, когда прокладывали коммуникации. Дому этому больше ста лет. Думали, нашли клад, а там, среди хламья лежал этот пергамент в герметичной шкатулочке, представляйте?! – и директор благоговейно коснулся пальцем тоненькой папочки, лежащей перед ним на столе. – А я, признаться, большой любитель старины и всего такого прочего. Кстати, вы, например, знаете, сколько лет этому дубовому письменному столу в стиле барокко?

Я уже давно обратил внимание на благородные округлые формы массивного директорского стола, его великолепные резные ножки в виде четырех львиных лап, и пожал плечами.

– Не менее ста пятидесяти! Возможно, это школа самого Даниэля Моро! Знали вы бы, в каком виде мне его привезли! И каков он сейчас!.. Ну, ладно, мы немного отвлеклись. Так вот, мне и самому чрезвычайно интересно, что сей рецептик означает...

С этими словами он открыл папочку и двумя пальцами выудил оттуда желтоватый сморщенный листок, с двух сторон оклеенный целлофановой пленкой.

– А если принять во внимание, юноша, что пометки в этом бесценном документе сделаны старославянской вязью, то это уже говорит само за себя! Да вы подойдите, не стесняйтесь!

Я подошел к столу, осторожно взял пергамент в руки и... ровным счетом ничего не понял! Какие-то непонятные знаки, закорючки, палочки, буквы...

– Иннокентий Вениаминович, а почему вы вообще решили, что это рецепт химсостава? Кто вам это сказал?!

– Потому что в лингвистическом переводе уже присутствуют привычные символы элементов периодической таблицы Менделеева. Не сомневайтесь, молодой человек, я бы не стал заваривать всю эту кашу, если бы не проконсультировался со специалистами.

– Значит, существует и перевод, а то я уж испугался!

– Конечно, мой дорогой! Я просто хотел показать вам оригинал – и только! Он, судя по всему, ровесник моему столу, если иметь в виду, что Менделеев сделал свое открытие где-то в середине прошлого века.

– В 1869 году! – поправил я директора машинально.

Я бегло пробежал документ до самого конца и весь внутренне сжался. То, что я увидел, не походило ни на одно мало-мальски известное мне соединение. Тем более, в рецепте неизвестного порошка – а в конечном итоге должен был получиться именно он – значились довольно редкие, даже экзотичные элементы, среди которых знаменитая «царская водка» выглядела абсолютно обыденной смесью.

– Нет, вы знаете, я вынужден отказаться! Даже в нашей лаборатории я и половины ингредиентов не подберу! А тут нужны еще такие специфические условия... – я был готов завить от разочарования и досады. – Так что извините, уважаемый Иннокентий Вениамин...

– Три тысячи! – не дал он мне договорить.

– Постоите, – от таких цифр у меня закружилась голова, – но на это ведь понадобится уйма времени, а у меня сессия на носу! Приступить к синтезу этого порошка я смогу не раньше, чем через два месяца, когда у меня начнется летняя практика в лаборатории...

– Согласен! – коротко выдохнул он. – Желаете сейчас получить ваш аванс?..

Я не помню, как вышел из особняка, не помню, как добрался до дому, но все это время мое тело через карман джинсов буквально прожигали деньги, упавшие на меня с неба! Мне не хотелось думать о том, что уже очень скоро придется их отрабатывать, я никак не мог взять в толк одно: как мне, обычному студенту, человеку с улицы, с первого же знакомства удалось настолько произвести впечатление на солидного и богатого работодателя, что без всяких платежных документов мне выдали такую сумму! В штат меня не зачислили, я не подписал ни одного документа, не ознакомился ни с одной должностной инструкцией. Странно это все как-то... Директор лишь снял копию с моего паспорта, да сделал кое-какие пометки у себя в блокнотике... Кому-то рассказать – никто не поверит!..

Лучше не задумываться. Главное, теперь я был богат до неприличия и оставшееся до конца учебного года время мог жить, не заботясь о хлебе насущном. И пусть Васька подавится моей хилой стипендией, а главврачиха – своими при-

казами!

Увы – все когда-то кончается, как это не прискорбно! Почти обмелела и моя когда-то полноводная денежная река, иссякли мои «баснословные деньжища», оказавшиеся вовсе и не такой уж большой суммой, как мне показалось изначально. Я только диву давался, как быстро растаял мой незаработанный аванс, так сказать, мой «подкожный жир», рассчитанный на беззаботное и продолжительное плавание в суровых водах химической науки! А ведь никаких особых трат я не совершал: ну шиканул пару-тройку раз – сходил в ресторан, ну купил себе очередные джинсы с ботинками, ну побывал на концерте известного исполнителя, ну угостил друзей пивом с воблой – все это были такие мелочи, а денежки – тю-тю!

Зато теперь, хотя бы, меня ничто не отвлекало от учебы и моей химии! Мощный стимул не пропускать занятия в институте под страхом лишения меня лаборатории во время практики, сделал свое дело. Сессию я сдал довольно прилично и обеспечил себя на следующий семестр стипендией, размер которой вызывал во мне теперь чувство негодования пополам с иронией, да почти оскорблением собственному достоинству.

Мне хотелось продолжения банкета! А еще больше – доказать самому себе, что мне по зубам эта работа. Пока я усердно заканчивал учебу, исправно посещал лекции и коллокви-

умы, сдавал зачеты и экзамены, уже потихоньку стал собирать доступные мне препараты.

Своего наставника профессора Калмыкова я решил не посвящать в свои дела, тем более, мне это было строго-настро-го запрещено толстяком-работодателем.

«Все должно быть между нами, молодой человек! – сказал мне тогда Иннокентий на прощание. – Надеюсь, что о нашем маленьком дельце не узнает ни одна живая душа. В противном случае, сударь, наш негласный договор аннулируется, а аванс будет у вас немедленно изъят, даже в том случае, если для этого придется продавать ваши органы в розницу!» – Он ласково улыбнулся мне, показывая, что пошутил, но холодный взгляд говорил обратное. Его глаза, глубоко посаженные за набрякшими веками в синих прожилках, сверкнули тогда совсем недобрым блеском... Хотя, возможно, это мне только показалось...

Как бы там ни было, но процесс пошел, и чем больше я втягивался, тем сильнее увлекало меня это действие, тем мощнее охватывал азарт первооткрывателя, тем ярче я проживал каждый свой день.

Декан свое слово сдержал, и уже через неделю после окончания сессии я входил в стены лаборатории полноправным ассистентом профессора Калмыкова. В мои обязанности входило: помогать ему в проведении занятий с первокурсниками, отрабатывающих практику на кафедре фармакологии, содержать в порядке лабораторную посуду, следить

за чистотой в помещении и гонять слишком любопытных студентов во внеурочное время, – в общем, ничего особенного.

Мне даже нравилось, когда почти мои ровесники обращались ко мне уважительно, по имени-отчеству – Артем Алексеевич. Мне нравилось важно расхаживать в белом халате по помещениям лабораторного комплекса, нравилось командовать своими беззаботными подопечными, нравилось оставаться одному после занятий... Мне нравилось здесь всё, лишь одна мысль, ни на минуту меня не оставлявшаяся, омрачала радость от занятия делом, ставшим неотъемлемой частью моей жизни. Мысль о своем обещании выполнить задание и той неотвратимой каре, которая меня постигнет, если я это задание провалю.

Уже очень скоро я окончательно понял, что ввязался в страшную авантюру, ведь то, что было написано в рецепте, оказалось едва ли возможным в условиях института. Хорошо, что Андрей Борисович мне полностью доверял и частенько оставлял на меня своих студентов. Если бы не их помощь, один бы я ни за что не управился.

На свой страх и риск я подключил некоторых из них к решению своей непростой задачи. Получение ингредиентов моего Неведомого Состава, оказалось задачей трудоемкой и не терпящей спешки.

Особенно я выделил двух толковых ребят – Димыча и Серегу, которые проявили чудеса изобретательности и смекал-

ки. У Сергея вдобавок отец работал главным инженером на местном химфармзаводе, и некоторые редчайшие составы, которых не было даже в аптеках, были получены с его помощью.

И дело стало потихоньку двигаться. Единственной проблемой, возникшей на этом пути, были вопросы, задаваемые моими помощниками, на которые я и сам не знал ответа. Да и что я мог им сказать? Что согласился синтезировать по древнему рецепту порошок неизвестного назначения? Что уже получил за него аванс, который благополучно проел и пропил почти до цента?

Поэтому мне пришлось им соврать, что я синтезирую эффективный препарат для лечения так называемой «болезни Пика» – мы как раз совсем недавно проходили это заболевание по учебной программе. Удивительным было то, что эта болезнь по необъяснимым причинам заставляла больных есть грязь, глину, клей, бумагу и т. п.!

Как лечить это таинственное и древнее заболевание медицина пока не знает, вот я и провожу научный эксперимент по своей собственной методике и при помощи старинного рецепта, найденного в сундуке моей бабушки. Но это – сугубо между нами! Даже профессор не в курсе! Пусть это для всех будет сюрпризом!

Ребята клюнули на эту чушь и заработали в два раза быстрее, подключая попутно всех своих друзей, знакомых и родственников.

Мне было стыдно, я чувствовал себя последней сволочью, но не мог остановиться. Любопытство первопроходца было для меня намного сильнее, чем пресловутый страх перед улыбчивым толстяком Иннокентием и его амбалами-охранниками. Что-то будет...

Глава 4

Со стороны мы втроем, наверное, выглядели заговорщиками, ведь нас объединяла одна тайна. Мне порой было смешно наблюдать за моими помощниками, которые были полны важности и окутаны ореолом загадочности. Они деловито обсуждали между собой детали предстоящей вечерней работы и тут же замолкали при приближении кого-нибудь из друзей, не посвященных в их «страшную тайну». При этом они многозначительно переглядывались и косились на меня с видом партизан, посланных на задание в тыл врага.

Я смотрел на них и испытывал двойственные чувства – неловкости за свой вынужденный обман и радости за то, что наделил их прекрасной, пусть и призрачной, мечтой. Я невольно ставил себя на их место и понимал, что и сам точно так же отреагировал бы на предложение принять участие в «открытии века». О пресловутой «болезни Пика» Серега с Димычем уже узнали достаточно, чтобы с умным видом судачить в курилке о проблемах, связанных с ее природой и лечением.

Мало-помалу час «Х» приближался. К концу месячной практики мы с ребятами собрали практически все составляющие. Оставалось завершить самую последнюю стадию процесса, заключающуюся в смешивании всех ингредиентов и выпаривании полученной смеси до образования кристалли-

ческого осадка белого цвета – искомого порошка.

Наконец долгожданный день настал. Мы с нетерпением ждали окончания занятий, чтобы уединиться в лаборатории. Профессора в этот день не было, и я своей властью решил пораньше отпустить бедных первокурсников, изнывавших от жары, духоты и лени.

Оставшись одни, мы задернули шторы, заперли двери на ключ и перешли в маленькую подсобку, где все уже было готово к синтезу.

Я сильно волновался, ведь сегодня решалась моя судьба химика. Если все получится, я не только значительно повышу свой статус перед моим работодателем, но и вырасту в собственных глазах, что гораздо важнее, к тому же, меня сильно согревала мысль о второй, более весомой, части гонорара, обещанного мне работодателем.

Осторожно, почти с благоговением, в строгом порядке, предписанном инструкцией, один за другим, мы принялись смешивать наши ингредиенты в специальной реторте из толстого стекла. Словно замороженные, мы следили, как на наших глазах чудодейственный состав причудливо менял свой цвет. Из первоначально красноватого он становился бурым, затем зеленым, потом ярко-оранжевым..., а когда мы высыпали последний ингредиент – кристаллический серо-белый порошок хлората калия или, как его еще называют, бертолетову соль, состав тут же с шипением окрасился в молочно-белый цвет.

– Ух, ты, здорово, – восхитился Серега, – красота какая!

– Еще бы! – важно изрек я. – Только имейте в виду, кол-леги, этот невзрачный порошочек – штука довольно опасная, особенно в связке с серной кислотой!

К сожалению, Иннокентий Вениаминович оказался прав. Некоторые ингредиенты, действительно, были сильно горючи сами по себе, а в сочетании друг с другом – даже взрывоопасны, поэтому рецептом предписывалось проводить операцию смешивания с предельной осторожностью.

Одним из таких опасных веществ, входящих в состав рецепта, были, как раз, бертолетова соль и концентрированная серная кислота, которые по отдельности с точки зрения химии были вполне безобидны, но их смесь и особенно дальнейшее нагревание могли дать непредсказуемый результат. А ведь нам предстояло выпаривание!

Слава богу, в лаборатории имелись все средства безопасности, включая защитные маски из прочного материала, проволочные шлемы, различные резиновые перчатки и резиновые передники. Имелся даже специальный предохранительный экран из толстого органического стекла, сохранившийся еще с незапамятных времен.

Руководствуясь правилами работы с взрывоопасными веществами, мы включили мощный вентилятор, чтобы создать постоянную воздушную тягу, приоткрыли форточку и поместили нагревательный прибор с нашей ретортой в специальный цилиндр из металлической сетки. А перед прибором

для верности поставили еще и защитный экран.

– Неужели может рвануть? – подал голос из-за экрана Димыч, который все это время сосредоточенно молчал. Сейчас он был бледен, как никогда.

– Не говори под руку! – шикнул на него стоящий рядом Сергей. – Видишь Артем Алексеич начал нагрев... Но договорить он не успел. В дверь вдруг кто-то громко и настойчиво постучал.

– Артем, вы здесь? – раздался приглушенный голос профессора. – Откройте сейчас же!

– Атас, Калмыков! – вскрикнул Димыч и неловко всплеснул руками, задев при этом экран. Одна из ножек тяжелого экрана вдруг подломилась, и он всей машиной стал валиться на подключенную к сети плитку, – так химики называют лабораторный нагревательный прибор.

– А-а-а, – заорал я не своим голосом, – ложись! – Находясь сбоку от плитки, я еще успел оглянуться и увидел, как ребята, будто на учениях по гражданской обороне, попадали на пол, прикрывая голову руками. В это время раздался оглушительный взрыв, маленькая комната озарилась ослепительным светом и сразу же наполнилась едким дымом красно-бурого цвета. Посыпались стекла. Неведомая сила, словно щепку, отшвырнула меня к окну. Со всего размаху я крепко приложился затылком обо что-то твердое и... потерял сознание.

...идти становилось все труднее. Я не помнил, когда отдышал последний раз и перекусывал. Все чаще в моем иссушенном солнцем мозгу возникала мысль о воде – холодной и чистой, как слеза. Да и солнце стало греть мою голову более интенсивно, чем раньше. Я буквально кожей затылка ощущал его обжигающие лучи. Пот стекал по вискам, заливал лоб и глаза, но стереть его я даже не пытался.

В моем старом рюкзаке, вероятно, было что-то из еды и питья, но мне почему-то было невозможно сбросить с плеча свою тяжелую ношу. Наверное, я просто берег остаток сил и времени, чтобы до темна добраться до... А куда, куда мне нужно было добраться? Я все еще никак не мог вспомнить...

Вокруг заметно потемнело. Я чуть сбавил ход, стал более осторожно переставлять ноги, как будто боялся провалиться в одну из тех пропелшин, что внезапно открывались вокруг меня под порывами ветра.

С другой стороны я понимал, что облачное болото, хоть и вязкое, вполне надежное, и бояться нечего. Но чем больше я себя в этом убеждал, тем сильнее нервничал и невольно замедлял шаги...

– Артем! Артем, очнитесь! – услышал я сквозь пелену. Я с трудом разлепил глаза и увидел испуганное лицо профессора Калмыкова, склонившегося надо мной, в руке он держал стакан с водой. Рядом с опущенными головами, в своих смешных резиновых фартуках до пола и проволочных шле-

мах, словно средневековые рыцари в доспехах, стояли растрепанные и бледные, как смерть, Димыч и Серега.

– Что случилось? – я пошевелился и тут же застонал от сильной боли в затылке. Я осторожно коснулся его рукой, и мои пальцы ощутили что-то липкое и теплое. Кровь!

– Тише, не так резко, – проговорил Андрей Борисович, – возможно, у вас сильное сотрясение мозга. Вас не тошнит? – он помог мне удобнее устроиться у стены, прислонив меня к ней спиной.

Я огляделся. Вокруг был сплошной разгром: повсюду валялось битое стекло; стулья и стол, на котором стояла плитка, были перевернуты; закопченный экран с отломанной ножкой валялся на полу; все стены были в копоти и грязно-серых разводах; оконная рама зияла дырой, пропуская свежий воздух. Я все вспомнил! Взрыв! Рванул-таки проклятый порошок... Видно сыграла свою роль встряска сильно нагретого состава при падении на плитку экрана. Хорошо еще пацаны не пострадали! Слава Богу, что, благодаря выбитым оконным стеклам, мы все не задохнулись в этом дыму...

– Что же вы натворили, уважаемый ассистент? – покачал головой профессор. – Почему произошел взрыв? Газ, аммониты, селитра?

– «Бертолетка»

– Ясно! Но зачем??? И почему вы не защитили голову, не одели спецодежду?

– Не успел я, Андрей Борисович, все произошло как-то

неожиданно. Я просто хотел продемонстрировать ребятам реакцию...

– Превосходно! – не дал он мне закончить. – Продемонстрировали? Кстати, экран этот защищает не от взрыва, а от выплесков жидких составов в результате бурных реакций. Он, скорее, наоборот – сам способен нанести увечья под воздействием ударной волны. И как вам только в голову это пришло? – продолжал причитать профессор, обходя свои сильно подпорченные владения. – Чуть весь институт не взорвали, террористы малолетние! Хорошо еще здание практически пустое...

– Мы все уберем, Андрей Борисович! – подал голос Димыч. – Завтра уже все будет в ажуре!

– И стекло вставим, вы не сомневайтесь! – поддакнул ему Сергей.

– А кто мне возместит ущерб? Менделеев? – профессор горестно обвел рукой помещение. – За ремонт кто заплатит? Лавуазье? Кто мне стены покрасит? Зинин?

– Мы все восстановим, обещаю! – твердо сказал я.

– Не «мы», а вы! Вы один, уважаемый господин Силин, мой бывший ассистент. Ребятам и так досталось, напрактиковались вволю, хорошо, что живы остались! А теперь, – обратился он к моим помощникам, – марш по домам. Через два дня у вас зачет по практике. А с господином Химиком нам еще предстоит долгий разговор...

Глава 5

...Когда у профессора, наконец, закончился запас весомых аргументов в отношении моей «беспечной халатности, беспрецедентной безответственности и необоснованной самоуверенности», у меня, видимо, было такое выражение лица, что он сменил гнев на милость и даже перешел на «ты», что в отношении своих студентов делал чрезвычайно редко – когда хотел показать высокую степень доверия:

– Ладно, я вижу, ты осознал, а теперь ответь: чем на самом деле вы с Соболевским и Конкиным здесь занимались? Ты думаешь, я не замечал ваших переглядок, недомолвок и полунамеков? Правда, к слову сказать, наметилась и определенная польза: середнячок Дмитрий Соболевский вдруг воспылал любовью к моему предмету. Итак, я жду правды.

Я угрюмо молчал. И чем больше длилась пауза, тем сильнее мрачнел профессор. Наконец, поняв, что от меня ничего не добиться, он процедил сквозь зубы:

– Я даю вам двое суток, молодой человек! – снова перешел на «вы» Калмыков. – Потрудитесь сделать так, чтобы к началу зачета здесь все было вылизано, а у меня на столе лежал полный перечень испорченного вами имущества, возмещение стоимости которого будет происходить за счет вашей же стипендии. Да-с! Будьте уверены! Желаю творческих успехов! – он демонстративно развернулся и покинул разгром-

ленную подсобку – поле битвы его величества Химии с горе-химиком Артемом Силиным, человеком без средств, наставника и перспектив на будущее.

К сожалению, в этой дуэли я оказался побежденным. Мало того, что не сумел получить порошок, я лишился самой возможности повторить этот эксперимент! Теперь Калмыков не подпустит меня к своей лаборатории и на пушечный выстрел! Что мне делать? Что???

Я старательно гнал от себя мысли о скорой расправе, но они наступали мне на пятки, дышали в затылок, сверлили мозг, мешая сосредоточиться. Трусом я себя никогда не считал, к тому же, прекрасно понимал, что лихое время начала девяностых уже прошло, когда большинство вопросов решалось по известному сценарию: нет человека – нет проблемы! Но, тем не менее, выхода из данной ситуации я пока не видел.

Я обреченно потрогал здоровенную шишку на затылке. Кровь давно запеклась, но рана продолжала саднить. Я осторожно встряхнул головой и к своему удивлению, уже не почувствовал боли. Вот тебе и сотрясение мозга! Да, моей головой можно таранить любые стены!

С кряхтением я поднялся с пола. Сегодня надо хотя бы убрать все стекла и проверить оборудование. Какое счастье, что все реактивы хранятся в негораемых сейфах, которые практически не пострадали. Представляю себе, что бы произошло, попади они в эпицентр взрыва! А так – я взглянул

на чуть опаленные бока сейфов – они все целехонькие.

Если не считать перебитой лабораторной посуды, стоявшей в открытом стеллаже во всю стену, старой деревянной мебели, изувеченной плитки с сетчатым цилиндром, да покоряженного экрана, ничего особого и не случилось. Подумаешь, немного запачканы стены, чуть закопчен потолок, да слегка прожжен линолеум на полу... Завтра же куплю краску и кисти, найму стекольщика... Я скрипнул зубами – а деньги?! Каким же я был идиотом, что так бездумно потратил весь свой аванс! Я стал судорожно прикидывать, сколько у меня осталось денег, и настроение вновь испортилось.

Ладно, хватит нюни распускать. Ну-с, с чего начнем? Я подошел к экрану и с трудом его приподнял. Под ним валялось доньшко от некогда крепкой реторты, в которой мог бы быть порошок – мой билет в счастливое будущее... Понятно теперь, почему он повалился от легкого толчка: металлическая ножка, прикрепленная к основанию экрана, держалась на честном слове и отвалилась, стоило его немного потревожить.

Кое-как, волоком я перетащил экран, прислонил его к стене, затем с сожалением поднял то, что раньше называлось лабораторной ретортой, и... с удивлением обнаружил, что все дно покрыто плотной кристаллизованной массой, толщиной примерно в пять миллиметров. Не веря своим глазам, я осторожно колупнул ногтем запекшийся верхний белесый слой...

Не может быть! У меня перехватило дыхание, и мое сердце бешено заколотилось в груди, отозвалось молотом в моем мозгу, выбивая из него одно лишь слово: по-ро-шок , по-ро-шок, по-ро-шок!..

Я получил древний порошок! Ура! Дело сделано! Я – победил! Я – гений! Я – великий Химик! Пусть и ценой разгромленной подсобки, я сумел-таки синтезировать неведомый состав по старинному рецепту.

Немного упокоившись, я осторожно пересыпал порошок в одну из чудом уцелевших мензурок, плотно заткнул ее пробкой и опустил во внутренний карман свой куртки, тщательно застегнув его при этом, что никогда прежде не делал. Но ведь и сама ситуация была исключительной!

После этой процедуры я, наконец, выдохнул с облегчением: всё, баста, закончились мои страдания! Теперь мне не страшен ни черт, ни дьявол, ни отлучение от «церкви», то бишь, от лаборатории! Теперь я могу смело потратить оставшиеся деньги на восстановление этой рухляди!

А на сегодня с меня достаточно. От переполнявших меня эмоций у меня не было ни сил, ни желания заниматься уборкой. Всё завтра. А теперь скорее домой – ужинать, отдыхать, предаваться безделью и радости жизни! Жаль, что у меня не осталось дома ни капельки спиртного, чтобы отметить мой триумф. Сейчас было бы самое время!..

Перед уходом я последний раз окинул взглядом основное помещение лаборатории, ни чуть не пострадавшее от взрыва

в подсобке, если не считать отвалившегося с потолка большого куска штукатурки, и с удовлетворением закрыл дверь на ключ.

– Медик, я дома! – как обычно, поприветствовал я кота, который развалился на моем рабочем столе – своем излюбленном месте. – Сегодня, брат, мы будем с тобой пировать! – я подмигнул ничего не подозревавшему Медику и достал НЗ – импортный кошачий корм, который я купил когда-то по случаю, наслушавшись навязчивой рекламы по ящику. – Для тебя сочное мясо вместо сухого корма, а для меня... – я задумчиво посмотрел на кухонные полки и выдавший виды хозяйский холодильник, – ...придется что-нибудь прикупить!

Обеспечив праздничным ужином кота и переложив драгоценную ампулу на рабочий стол, чтобы после сытной еды уже внимательно рассмотреть порошок, я со спокойным сердцем и с сознанием выполненного долга, постучался к соседке, что жила напротив – бабе Вале – пожилой доброй женщине. Занимал я у нее очень редко. Только в особых случаях. И сейчас был именно такой.

Вернулся я в прекрасном расположении духа, несмотря на то, что после покупки закуски и бутылки марочного конька – чего там мелочиться! – денег хватило бы разве что только на проезд. Возместить весь ущерб полностью я рассчитывал из второй части честно заработанного гонорара. В душе я надеялся, что Иннокентий Вениаминович на этом не остановится

и на радостях подкинет еще какую-нибудь работенку, оплачиваемую столь же щедро.

Я взглянув на свой стол и обомлел: пробирки не было! Зато на нем в луже затхлой воды валялась опрокинутая ваза со сморщенным цветком, который уже давным-давно я собирался выкинуть.

Я с ужасом перевел взгляд на пол, и мне сделалось совсем дурно: моя пробирка с драгоценным порошком, вернее, то, что от нее осталось, валялась на полу среди жалких осколков рядом с лужей, натекшей со стола.

Бросив пакеты, я бросился к столу. И лишь убедившись, что драгоценный продукт, просто рассыпался по полу, облегченно перевел дух.

– Ах ты, маленький паршивец! – заорал я на спрятавшегося куда-то кота. – Вылезай, поганец, я тебя сейчас убивать буду! – повторил я, аккуратно по крупичам собирая с пола порошок в подвернувшийся мне под руку спичечный коробок. Слава Богу, что порошок не попал в лужу, иначе я бы точно его лишился.

– Ладно, – сменил я гнев на милость, – выходи, не трону! – я поискал глазами перетрусившего Медика, справедливо опасавшегося моего праведного гнева. Но его нигде не было видно. – Котик, ты где? – уже не на шутку встревожился я.

Я обошел все углы, заглянул во все щели, но кота не нашел.

«Неужели удрал через балкон?» – осенило меня, и я бросился на кухню, но дверь и даже оконная форточка были закрыты.

– Мяу! – донеслось вдруг из комнаты.

– Медик! – я обрадовано пошел в комнату. – Где же ты был?

Но кота я не увидел! Что за чертовщина? Или мне показалось, но ведь я даже не успел прикоснуться к спиртному...

– Мяу! – услышал я откуда-то сверху.

В недоумении я поднял голову, и челюсть у меня буквально отвисла, а слова так и застряли в глотке! И было от чего, ведь то, что я увидел, не поддавалось никакому объяснению: **МОЙ КОТ ВИСЕЛ ПОД ПОТОЛКОМ!**

Нет, он не сидел на старой люстре, которая находилась в метре от бедного животного, он висел сам по себе, едва касаясь потолка вздыбившейся от испуга шерстью! При этом он беспомощно перебирал лапками, шевелил хвостом и тщетно старался принять более устойчивое положение.

– Мяу! – в третий раз уже умоляюще, как мне показалось, пропищал Медик и посмотрел на меня страдальческим взглядом.

Я судорожно сглотнул.

– Что ты там делаешь? – глупо спросил я его. – Иди ко мне, мой хороший!

Но кот, делая отчаянные попытки сдвинуться с места, продолжал болтаться в воздухе, как воздушный шарик. Эта-

кий пушистый воздушный шарик с лапами и хвостом – бессмысленными для воздухоплавания атрибутами.

Я бессильно опустился на диван. Что же это такое?

Тут мой взгляд упал на спичечный коробок на столе, и меня осенило! Неужели?!.. Неужели на моего кота таким волшебным образом подействовал этот древний состав, часть которого, видимо, попала в лужу на полу. А Медик, вероятно, напился из этой самой лужицы и превратился в «козленочка» из детской сказки, но уже летающего!!! Но почему он, признанный аккуратист, который ел и пил только из своих мисок, никогда не шаливший и не портивший, как большинство его собратьев, имущество, вдруг так странно себя повел? В чем тут дело?

Вот черт! – и я вспомнил, что утром, собираясь на работу, впопыхах забыл налить ему воды. Вот и разгадка – бедное животное целый день изнемогало от жажды! И вот результат! Я сам во всем виноват! Какой же я болван! Что же я наделал! Бедный, бедный мой котик!

Глава 6

Первым делом надо было как-то спасти моего четвероного друга. Я принес лестницу и под отчаянный писк Медика осторожно вызволил его невесомое пушистое тельце из необычного воздушного плена. Чтобы он мог нормально передвигаться и вести обычный образ жизни, мне нужно было его как-то «приземлить», наделить весом, утяжелить. Для этой цели в принципе годилось всё, но я остановил свой выбор на обычной мешочке с песком, принесенным мной со двора, и привязанным к спине животного.

Умный Медик, будто понимая, что я хочу ему помочь, покорно позволял проводить с собой все эти малоприятные манипуляции. Зато, когда операция по увеличению веса была благополучно завершена, он вырвался из моих рук и стал носиться по квартире, смешно задирая задние лапы.

Я смотрел на него, и мне было не до смеха. Рой невеселых мыслей, словно рассерженных пчел из потревоженного улья, вились в моей голове, ища выход из положения, в которое я опять попал, на этот раз по собственной рассеянности.

Вопросов было много, и главный из них: насколько долго действует это волшебное «средство от веса»? И ответ могло дать только время. Далее, необходимо было решить другую, не менее важную проблему: как вести себя с работодателем? И здесь нужно было подключать логику.

Не придти к Иннокентию я не мог – меня все равно бы не оставили в покое. Придти к нему с пустыми руками – тоже, ведь тогда мне бы пришлось отдать аванс, которого уже не было...

Вывод: идти надо обязательно и с готовым порошком! С другой стороны, как мне быть с тем неожиданно свалившимся на меня знанием, которое я обрел, благодаря моему невосомому питомцу? Дать понять, что я в курсе действия порошка – означало подписать себе смертный приговор. Ведь тогда я тут же становился бы нежелательным свидетелем, с которым никто церемониться не станет. Убрать меня гораздо легче, чем заставить молчать! А вдруг я захочу уже самостоятельно синтезировать уникальный порошок, который сулил несметные богатства для его обладателя!

Оставался единственный выход: принести состав, взять деньги и быстрее убраться, чтобы случайно не проговориться, не выдать свою осведомленность ни словом, ни взглядом...

На следующий день я уже стоял перед Иннокентием Вениаминовичем и преданно смотрел ему в глаза, держа на раскрытой ладони заветный спичечный коробок.

– Неужели у вас получилось, юноша? – он подкатился ко мне на своих коротких ножках и с благоговением принял от меня неказистую емкость, словно это был некий бесценный раритет, хрупкая историческая древность, которыми был на-

пичкан его кабинет. При этом выражение его лица, синюшно-багровое от прилива крови, приняло хищное выражение. Он осторожно заглянул вовнутрь, затем с подозрением покосился на меня:

– А почему так мало?

– Не знаю! – пожал я плечами. – Ровно столько, сколько получилось в результате выпаривания. Я все делал в точности по рецепту. Можете не сомневаться! – я старался говорить искренне, не отводя взгляда. – И все же мне интересно, что это за порошок? Я проделал такую огромную работу, а для чего он понятия не имею!.. – я полагал, что если не проявлю, хотя бы, маломальского любопытства, вызову серьезные подозрения у Иннокентия.

Он внимательно взглянул на меня и спокойно произнес:

– А зачем вам это знать, уважаемый господин Силин? Вы сделали свое дело, решили поставленную задачу, надеюсь, выполнили условия нашей договоренности о неразглашении. Теперь и я должен выполнить свои обязательства.

Он прошел к столу и вынул из ящика пухлый конверт.

– Получите, молодой человек, остаток обещанной суммы – четыре тысячи долларов, как одну копейку! – он ласково мне улыбнулся.

Пока я дрожащими пальцами сосредоточенно пересчитывал целую прорву зеленых купюр, директор нажал на кнопку селектора:

– Принесите нам вина! – Он взглянул на меня лукаво: –

надеюсь, вы не трезвенник?

– Я – студент, и этим все сказано! – я уже полностью ослабился, и почти полюбил этого щедрого улыбочивого человека.

Вошла симпатичная длинноногая блондинка с небольшим расписным подносом, на котором стояла темная бутылка с невзрачной наклейкой и два искрящихся в ярком свете люстры бокала.

– Это – коллекционное Бордо 1972 года! – не без гордости объявил Иннокентий Вениаминович. – Но для вас мне ничего не жалко! Давайте выпьем в знак успешного окончания нашей маленькой сделки! – он разлил вино по высоким бокалам и кивком отпустил красотку-секретаршу.

– С удовольствием! – с чувством произнес я и поднял бокал, отмечая красоту кроваво-красной жидкости, о которой знал лишь понаслышке.

Мы чокнулись, и я выпил до дна. Прохладная терпкая влага приятно обожгла гортань, и мне захотелось сказать моему собеседнику что-нибудь приятное, но... мой язык странным образом вдруг перестал меня слушаться!

«Неужели на меня так подействовало коллекционное вино? – пронеслось в моей голове. – Или сказался сильный стресс за последние дни?..» – я с недоумением взглянул на веселого толстячка, и мне на секунду показалось, что его доброе лицо приняло то же самое хищное выражение, которое появилось у него при виде порошка.

Затем черты его стали разглаживаться, расплываться, кожа бледнеть, а настороженные глаза – превращаться в щелочки, пока не исчезли вовсе. Постепенно растворился он сам, а за ним – и всё вокруг, но мне на это было абсолютно наплевать. Мне стало удивительно хорошо, хорошо, как никогда прежде...

...внезапно я с удивлением почувствовал необычайную легкость во всем теле. И мне пришла в голову интересная мысль о том, почему я не могу провалиться: я просто ничего не вешу! Я с удивлением прислушался к себе и вдруг почувствовал, что во мне что-то изменилось, причем самым кардинальным образом!

Мое состояние было трудно описать. Я ощущал себя всемогущим, всемогущим, для меня не было никаких границ! Я почувствовал, что могу управлять своим весом, своим состоянием, своим организмом, своим телом! Я был уверен, к примеру, что с легкостью могу заставить собственное сердце биться в каком угодно ритме и с какой угодно частотой без всякого вреда для здоровья! Вплоть до его полной остановки! Почему со мной произошла такая метаморфоза, я не имел ни малейшего понятия. Я просто это знал и все!

С этим знанием пришла непоколебимая уверенность в благополучном исходе моего путешествия, и я прибавил шагу. Несмотря на сгустившуюся вокруг тьму, я шел, не выби-

рая дороги, словно неведомая путеводная нить мягкой коврово-облачной дорожкой вела меня к цели.

Теперь я уже не задумывался о том, куда иду. Мне было абсолютно все равно. Я знал точно, что истинный смысл моего пребывания на этой дороге кроется именно в движении – символе всего живущего! Главное – не останавливаться...

Я открыл глаза, и мне показалось, что я все еще сплю и вижу свой удивительный сон, который, будто в каком-то бесконечном фантастическом сериале, тянется от серии к серии.

Потом я решил, что ослеп – вокруг меня не было видно ни зги! И только тогда, когда мои глаза постепенно привыкли к темноте, я сумел разглядеть едва различимую полосу света под дверью. Я ощупал место, на котором лежал. Это был жесткий, грубо сколоченный деревянный топчан, стоявший у шероховатой стены. Воздух в помещении был спертым и сырым, как в подzemелье.

Ну, конечно же, – догадался я, – меня держат в заточении! Я снова прикрыл глаза и тут же вспомнил сузившиеся зрачки Иннокентия, когда он протянул мне бокал с вином. Точно, в его коллекционное Бордо была подсыпана какая-то дрянь! И все из-за того, чтобы не выпустить меня из его проклятого особняка!

С досады я даже стукнул себя кулаком по лбу. А что еще можно было ожидать? Что меня просто так отпустят с день-

гами и тайной, о которой никому знать нельзя? Наивный! Кстати, о деньгах. Я пошарил в кармане и нащупал конверт. Странно, деньги они почему не взяли... И тут до меня окончательно дошел смысл происходящего, от чего сердце неприятно заняло в груди, а руки похолодели: да меня попросту никто и не собирался отпускать!!! А свои деньги они могут забрать в любой момент, хотя бы и с мертвого тела!

От этой мысли меня передернуло, и охватил сильный озноб. Но тут же какая-то другая неясная мысль вдруг забрезжила в моем мозгу, воспаленном от ужаса перед безрадостной перспективой. Я попытался осторожно выудить ее из своего метущегося сознания, но никак не мог сосредоточиться...

Что же это?.. Что именно меня так зацепило?.. О чем я думал? О деньгах, о тайне, об отравленном вине, о моем мертвом теле... Стоп! Вот она ключевая фраза – «мертвое тело!» Но что это означает, почему мое сознание так зацепилось за эту фразу, как утопающий за соломинку, как выход из положения! Выход?! Из положения?!

И я вспомнил свой сон, в котором, управляя своим организмом, мог воздействовать на сердце. Я мог изменять частоту его биения! Да, в своем сне я мог даже притвориться мертвым, остановив его усилием воли! Жаль, что это был всего лишь только сон!..

За дверью слышались шаги и негромкое покашливание. Свет в камере внезапно зажегся, и я невольно зажмурился.

– Что, не ожидали, милостивый государь? – раздался хорошо знакомый голос.

Я открыл глаза. Передо мной стоял мой работодатель – улыбчивый добродушный толстячок. Правда, выражение его лица сейчас сильно изменилось: презрительная кривая улыбка, хищный оскал, холодные злые глаза. Он стоял на пороге, сложив руки на круглом животе, и раскачивался на носках своих супермодных ботинок.

Я сел и, опершись спиной о холодную сырую стену, гордо отвернулся и принялся разглядывать свою тюрьму, хотя богатой обстановку в ней назвать было никак нельзя. Деревянный топчан, на котором я лежал; старый круглый деревянный стол на одной массивной ноге с жестяной кружкой на нем стоял вплотную к темной стене, сплошь завешенной паутиной; пресловутая параша в углу... Все это «добро» еле помещалось в малюсенькой камерке с низким потолком без окон. И тут же поймал себя на мысли, что почему-то больше удивляюсь не своему положению, а странному «дизайну» этой камеры – одна стена была окрашена в темный, почти черный цвет, тогда как другая, тоже покрытая паутиной, была побелена. Видимо, для пущей остротки узников! Я перевел взгляд на своего мучителя:

– Почему вы меня здесь держите, что я вам сделал? Вы понимаете, что это – незаконно? Вас привлекут к уголовной ответственности! Вы этого не боитесь?

Он усмехнулся:

– Это вам, сударь, следует бояться... за свою жизнь! Знаете, есть такая пословица: лес рубят – щепки летят! Вот вы, к моему большому сожалению, и превратились в ту самую щепку в большой игре. Видите ли, сами того не ведая, вы просто стали участником неких событий, значение которых трудно переоценить, а вам понять! И события эти в скором времени могут быть опасными для всех участников, в особенности, для вас! Так что, эти не слишком популярные меры я предпринял исключительно для вашей же безопасности.

Вы, Артем, мне глубоко симпатичны, и только поэтому я делаю вам сейчас эксклюзивное предложение: вы останетесь в этом особняке на срок..., который я укажу. Конечно же, вам будут предоставлены совершенно другие условия. Вы ни в чем не будете нуждаться, вы...

– Вы хотите сделать из меня раба? – прервал я его словесный поток. – И чем же я должен буду заниматься? Синтезировать ваш проклятый порошок?

– Вот видите, вы и сами все прекрасно понимаете! Вы ведь уже успели ознакомиться с его свойствами? – он смотрел на меня насмешливо. – Или вы наивно полагали, что мы оставим вас без контроля? Кстати, вашему смешному коту с мешочком на спине мы добавили немного корма и воды, чтобы хватило на пару дней.

Я облизал пересохшие губы:

– А если я откажусь?

– Тогда я буду вынужден покинуть вас, и наша маленькая тайна умрет вместе с вами и вашим бедным котом. А я найду других одиноких химиков-любителей, можете не сомневаться! Так что настоятельно советую подумать над моими словами. Я приду завтра в это же время.

Дверь за ним закрылась, свет погас, и давящая пугающая тьма вновь навалилась на меня из всех углов моего каменного склепа.

Глава 7

Я уже несколько не сомневался, что Иннокентий знал все с самого начала! Каков хитрец! Как искусно он меня использовал втемную, не выпуская при этом из виду! Еще бы, вероятно, он прекрасно понимал, что, узнай я о свойствах чудо-порошка, неизвестно, как бы себя повел. Если так, он оказался прав: я, действительно, оставил часть порошка у себя!..

Интересно, нашли они его или нет? Впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения! Я горестно вздохнул. Похоже, скоро уже всё на свете не будет иметь для меня никакого значения. У меня есть всего лишь сутки, чтобы принять решение...

Надо же, никак я не мог предположить, что простое желание заработать приведет меня в такое безвыходное положение! словно раб на галерах! Но рабов, хотя бы кормили! И я вдруг почувствовал жуткий голод.

В кромешной темноте я подошел к двери и прислушался. Абсолютная тишина!

– Эй, откройте! – забарабанил я в железную дверь, гулким эхом заполнив все пространство вокруг. – Мне плохо, я хочу есть. Изверги, откройте!

Я приложил ухо к двери. Вдали послышалась какая-то возня, и раздались приближающиеся шаги.

– Какого черта? – раздался за дверью грубый голос охран-

ника. – Чего надо?

– Я голоден, мне очень плохо, мне нужен доктор! – я действительно почувствовал сильное головокружение, все тело стало вдруг покалывать, словно тысячи невидимых иголок впились в мою кожу. У меня начиналась паника!

– Не велено! – небрежно бросил охранник. – Авось не загнешься! – Бланду принесу позже. Вода на столе.

– Послушайте, – взмолился я, – ну будьте же человеком! Хотя бы свет включите!

– Не велено! – равнодушно повторил охранник и сплюнул на пол. – А если будешь рыпаться, урою! – он, тяжело топая, удалился.

Я представил его отвратную рожу рядом с собой, его сломанный приплюснутый нос, огромные кулачищи бывшего боксера и содрогнулся. На ощупь я пробрался к столу и с отвращением отпил тепловатую воду из вонючей кружки. Стало немного легче.

От нечего делать, я стал на ощупь обходить по периметру все помещение. Снова дошел до стола и тут вспомнил, что стена за ним выкрашена в черный цвет. Это было странно! Я решил отодвинуть стол, но не тут-то было! Надо же, эти уроды даже стол привинтили к полу! Для чего? Чтобы никто не смог воспользоваться им как оружием? Смешно! Прямо, как в фильмах про ментов – там в помещениях, где проводятся допросы, тоже все привинчено к полу! Я плюнул на неподъемный стол, и стал тщательно ощупывать стену.

К моему удивлению, вместо шероховатой поверхности стены я сразу почувствовал гладкий и холодный металл! Очистив железную стену от паутины, я быстро понял, что такой она была не вся, а лишь ее часть, размер и форма которой очень напоминала низкую дверь! Неужели это дверь?! Вряд ли! Слишком уж идеально она была подогнана к стене – без малейшего зазора! Я толкнул ее, но... ничего не произошло! С тем же успехом можно было сдвинуть гору! Я стал простукивать всю поверхность стены, включая и ее металлическую часть... Нет, звук был везде одинаковым... Если это не дверь, тогда что? Какая-то садистская задумка? Например, чтобы о нее было сподручнее разбить себе голову! От отчаяния! Ну, уж нет! От меня они этого никогда не дождутся! Я улегся на топчан и задумался.

Я попал по полной программе! Что меня ожидает? Эти люди меня все равно отсюда не выпустят, даже, если я синтезирую им тонну этого треклятого порошка! А кстати, где они возьмут ингредиенты, что с таким трудом я по крупичкам собирал целый месяц? И что означают слова Иннокентия о хороших условиях? У них что, здесь есть лаборатория? А почему бы и нет? Если уж я сумел все достать, то он со своими деньгами и связями добудет, хоть черта лысого! Ему просто нужно было проверить, на что я гожусь как химик! Я скрипнул зубами от бессильной злобы...

Мои мысли устремились в другую плоскость. Интересно, а если бы я не узнал тайну порошка, они бы отстали от ме-

ня? Вряд ли! Ведь кто-то все равно должен был его производить?! А тут я – одинокий студент... Точно, я вспомнил, как оживился Иннокентий, узнав, что я живу совсем один. Ему изначально было наплевать на то, что я студент, главное, что одинок, что никто из родных меня не хватится!

Даже, если бы они меня отпустили, потом наверняка заманили бы вновь! И я, как миленький, помчался бы к ним за новой работой и сумасшедшими бабками! Рано или поздно, я все равно оказался бы в этом склепе...

Да, перспективка намечалась еще та: либо пахать на них, пока не подорву себя какой-нибудь селитрой или бертолеткой, либо... сразу каюк! Третьего не дано!

И мне снова вспомнился сон, в котором был он – ТРЕТИЙ ВЫХОД! При котором я мог остановить свое сердце, претвориться мертвым! Вот тогда они бы точно от меня отстали!.. Странно все же, почему эта мысль так неотвязно преследует меня? Ведь это же невозможно в принципе! Какой-то бред! Я же не йог какой-нибудь, чтобы проделывать такие манипуляции с собственным телом. Я где-то читал, что самые продвинутые из них действительно могли делать нечто подобное, но при глубочайшей медитации и особой подготовке, да и то – на очень непродолжительное время и при подстраховке со стороны помощников.

Я невольно нащупал свой пульс. Сердце билось частыми, какими-то испуганными толчками, разгоняя мою стынущую от страха кровь по еще пока принадлежащему мне те-

ду. Ужас перед неотвратимым будущим, стресс, безвыходное положение заставляли мое бедное сердечко бешено колотиться, повинуюсь импульсам мозга.

Я попытался сосредоточиться и усилием воли заставить сердце биться спокойнее...

Удивительно, но это мне сразу же удалось! Очень интересно! Тогда я приказал своему сердцу биться еще медленнее. Почти с благоговейным ужасом и безграничным изумлением я почувствовал, как сердце, словно двигатель под капотом авто, повинующийся педали акселератора, послушно сбавило обороты. Я понял: оно мне беспрекословно подчиняется!!!

Неужели?! Все мое тело покрыла испарина. Что все это значит? Сон в руку? Почему, как, откуда??? У меня ничего подобного никогда не было, да и не могло быть!..

Я еле перевел дух. Так, давай сначала, Артем! Давай попробуем удары через раз! Эх, жаль, что у меня отобрали часы и мобильник, а то можно было бы проследить по времени...

Я пощупал пульс и не поверил собственным ощущениям: мое сердце билось ровными мощными толчками, но... очень, очень медленно. Не больше двадцати-тридцати ударов в минуту! При этом я чувствовал себя вполне нормально. Покальвания и головокружение давно прошли, осталась лишь безумная эйфория от своего неожиданно возникшего умения.

А если замедлить дыхание? Я глубоко вздохнул и попро-

бывал задержать дыхание как можно дольше, но... через минуту был вынужден с шумом выпустить воздух. Сердце снова заколотилось, заметалось, забухало. Почему? Я стал анализировать. Почему я не смог проконтролировать свое сердце, и оно, словно опомнившись, вырвалось из моего мысленного плена и зажило своей независимой от моего сознания жизнью? И тут меня осенило! Я доверился инстинкту самосохранения и перестал доверять себе – своему мозгу, своему организму, отпустил сознание.

Надо попробовать потренироваться... не дышать... Что я говорю? Боже, что я такое несу?! Я же студент-медик, а не какой-нибудь неуч-дилетант! Ну, не может человек существовать без кислорода и работы сердца.

Любой ребенок знает, что кислород необходим для окисления органических веществ с освобождением содержащейся в них энергии, необходимой для поддержания жизни. А кровь переносит этот кислород от легких к различным органам и тканям.

И мне сразу же вспомнилась глава из учебника по общей анатомии, которую я, ретивый первокурсник, выучил когда-то наизусть: «...обогащенная кислородом кровь по малому кругу кровообращения попадает в сердце, которое перекачивает ее по большому кругу кровообращения в другие части тела. Попав в разные ткани, кровь отдает содержащийся в ней кислород и забирает вместо него углекислый газ. Насыщенная углекислотой кровь возвращается в сердце, ко-

торое снова перекачивает ее в легкие, где она освобождается от углекислого газа и насыщается кислородом, завершая тем самым цикл газообмена...»

Не будет кислорода, остановится жизнь; не потечет кровь по жилам, остановится жизнь; умрет мозг, не питаясь кровью, остановится жизнь! Это же известно всем!

И тут же пришел контраргумент. А состояние анабиоза у некоторых живых существ? А случаи выживания живых организмов через многие сотни лет в условиях низких температур? А случай с ламой Итигэловым, умершим в 1927 году?!

Было ведь доказано, что его нетленное тело – есть результат его сознательного контроля! Если уж процесс смерти, т. е. угасание жизненных функций, можно контролировать, будучи мертвым, то уж при жизни это сделать вполне по силам...

Правда, я ведь не просветленный лама, не индийский йог-брамин!.. И тут меня снова осенило. А, может быть, всему причиной моя недавняя травма головы? Неужели разгадка в этом?! Как бы там ни было, у меня нет другого выхода! Буду пробовать!

Все эти мысли пронеслись в моей голове одним страшным вихрем, сметая на своем пути остатки здравого смысла, груза ненужных знаний и сомнений. Мне уже было все равно, что я хочу сделать со своим телом невозможное, мне на это было абсолютно наплевать. Огромная жажда жизни, страх

перед неминуемой гибелью, категорическое нежелание почувствовать себя рабом, игрушкой в чужих алчных руках – все это гнало меня вперед, в неизвестность. Если мне и суждено погибнуть, пусть уж это произойдет по моей собственной воле! Впрочем, я уже почти не сомневался, что, сделав первый шаг на пути к усовершенствованию своего организма под воздействием собственного сознания, мне по силам будет и второй, более серьезный.

Итак, с чего начать? Я мысленно представил свое тело, наполненное живительной энергией, но с замедленными жизненными процессами, как если бы оно находилось в анабиозе, в толще векового льда, куда не проникали ни свет, ни воздух, ни звуки...

Мое дыхание стало замедляться, стук собственного сердца – превращаться в отдельный слабый, отдаленный от меня фон, который постепенно таял где-то за горизонтом. Темнота... покой... полное умиротворение...

...светало. Я поднял голову и осмотрелся. Облака немного расступились, но ветер не усилился. Я продолжал идти. Интересно, сколько я уже в пути? День, неделю, месяц? Все мое тело превратилось в слаженный механизм перемещения. Всё было подчинено одной единственной мысли, гнавшей меня вперед без усталости.

Впечатление, что у меня открылось второе дыхание, сильно устарело. У меня было открыто уже третье или

даже четвертое дыхание! Легкость во всем теле, практическая невесомость в сочетании с твердостью шага, силой мышц придавали мне удивительно приятные ощущения. Я чувствовал себя всемогущим, всесильным, в буквальном смысле сверхчеловеком...

– Что с ним? – услышал я вдруг откуда-то снизу. Голос показался мне смутно знакомым, но я никак не мог вспомнить, где я слышал эту характерную интонацию. Впечатление было такое, что прозвучал он из некой другой реальности. Я даже немного замедлил шаг, чтобы не пропустить эти слабые прерывающиеся звуки, будто разгоняемые ветром. Мне пришлось сильно напрячь слух, при этом я тщетно пытался разглядеть хоть что-то сквозь плотный молочно-белый туман, из которого была соткана моя облачная дорога.

– Никак дубу дал щенок! – ответил первому голосу другой, хриплый и грубый.

– Что ты такое говоришь? Он же молодой! Ты его что, бил? – в первом голосе послышались грозные нотки.

– Ни божже мой, Иннокентий Вениаминыч! Пальцем не тронул! Век воли не видать! Гадом буду!

– Ничего не понимаю!.. А он точно... того?

– Нешто я живого от жмура не отличу?! Сердчишко не бьется, не дышит – точно, кони двинул! Может, от страха, а, может, болел чем. Кто этих теперешних дистрофиков-студентов разберет?! Он чего-то такое болтал про

доктора...

– Да, дела-а... – промывчал голос, принадлежащий Иннокентию Вениаминычу. – Значит, так: переодень его в какое-нибудь тряпье, измажь рожу, да и закопай где-нибудь подальше. А если найдут, пусть думают, что бомж очурился...

О ком они говорят? Какие странные люди! Еще более странно, что я слышу их голоса, ведь ко мне это не имеет ни малейшего отношения... Нет, кажется, мне это только послышалось... Я вздохнул полной грудью и продолжил свой путь...

Глава 8

Я вздохнул полной грудью и... проснулся от того, что сделать это в полной мере мне не удалось – воздуха катастрофически не хватало! Мое лицо касалось чего-то влажного и мягкого. Я попытался пошевелиться. Что за черт – давящая тяжесть сковала меня по рукам и ногам! Было темно, как в подземелье.

Я лежал на боку. Подо мной было жестко и холодно. Надо мной – тяжело и душно. Где я? Что со мной произошло? Почему такая тишина?

Не успел я задать себе эти вопросы, как вдруг в меня ворвались звуки и запахи, словно лопнула некая невидимая оболочка, отделявшая меня от реального мира. И этот мир невозможно было спутать ни с одним другим. Лес! Я находился в лесу, лежа в яме, заваленный прелым валежником, сырым мхом и сухими ветками. Я попытался пошевелить руками, и на этот раз мне это сделать удалось. Я поднатужился и вскоре выбрался из своего не слишком глубокого плена.

Ура, я жив и здоров! Я вспомнил все, что со мной приключилось до того самого момента, когда попытался проделать эксперимент над своим собственным организмом. И, похоже, у меня все получилось! Надо же, мне удалось перехитрить смерть и вырваться из лап мерзкого Иннокентия!!!

Было раннее утро. Лес со всеми своими обитателями на-

чал только просыпаться. Две беззаботные серые пичуги о чем-то оживленно болтали, сидя на ветке прямо надо мной, опасно косясь на меня черными глазками.

Я стряхнул с одежды мусор и зябко поежился от утреннего холодка и лесной сырости. На мне были дранные грязно-коричневые брюки и женская голубая кофта без пуговиц. На ногах – рванные резиновые кеды на босу ногу. Хоть что-то. Только теперь на собственной шкуре я смог почувствовать, каково быть бомжом! Нестерпимо хотелось пить.

Хорошо, что меня не закопали в этом лесу в глубокой яме, как покойника, а просто сбросили в неглубокий овраг и завалили ветками. Неизвестно, остался бы я тогда в живых, несмотря на открывшиеся у меня уникальные способности.

Вспомнив о своих способностях, я повеселел. Ничего, мы еще повоюем! Пока же мне было необходимо выбраться из леса, найти какое-нибудь жилище и привести себя в порядок. И только потом уже решать, что делать дальше. Да, жаль, что я не научился пока обходиться без воды и пищи и не мерзнуть от холода!

Жаль было и то, что, как сугубо городской житель, я не имел ни малейшего представления как ориентироваться в лесу! Я горестно вздохнул, но простая мысль, возникшая тут же, разгладила морщины на моем лбу: если судьбе было угодно спасти мою жизнь в совершенно безвыходной ситуации, то уж из леса-то она меня как-нибудь выведет!

Немного проплутав, я действительно вскоре вышел на

проселочную дорогу с явными следами автомобильных шин. Видно, те, кто меня заживо похоронил, не стали утруждать-ся и в том, чтобы слишком углубляться в лес. Я решил идти по дороге, справедливо полагая, что в конце концов она приведет меня к людям.

Вдруг сзади послышался характерный гул автомобильного двигателя.

«Здорово! – обрадовался я. – Вот и долгожданная помощь! Судьба продолжала мне благоволить!»

Я развернулся и пошел навстречу спасительной машине, совершенно забыв о своем затрапезном виде, но затем остановился, благоразумно полагая, что далеко не каждый водитель отважится подвезти бомжа. Я решил переждать в ближайших кустах у дороги.

Большой черный джип с заляпанными грязью номерами, медленно катился по мокрой от росы дороге, сверкая стеклами в восходящих лучах солнца и мягко переваливаясь на ухабах.

«Нет, такой красавец точно не остановится!» – решил я про себя.

Но автомобиль, вопреки моим ожиданиям, неожиданно остановился, не доехав до меня всего несколько метров. Из него вышел... мой давешний мучитель-охранник со сломанным носом в своем дурацком черном костюме, нелепо смотревшимся посреди леса. Следом, кряхтя, выполз еще один здоровенный тип с длинной, как у лошади, физиономией,

закованный в джинсу.

– Ты уверен, что здесь? – недоверчиво спросил Джинсовый у охранника.

– Вроде здесь! – неуверенно отозвался охранник. – Я за сек это местечко вон по той сосне со сдвоенной верхушкой. Видишь? – и он махнул рукой куда-то в сторону от дороги. – Поэтому здесь и решил его притырить. Как чуял, что босс заставит вернуться! Он обреченно сплюнул на дорогу.

– А зачем ты ему сказал, что жмура просто в яму сбросил? Сам виноват – нечего было языком трепать!

– Ты базар-то фильтруй, умник! А то я не посмотрю, что ты Кешин водила личный, рядом с пацаном положу! А Кеше скажу, что тебя «кондратий» хватил... с перепоею! Гы-гы-гы... – он хрипло загоготал.

– Ладно, показывай дорогу! – не ответил на его шутку Джинсовый и вынул две саперные лопатки из багажника. – Нам его еще найти надо, закопать как следует, да к обеду успеть вернуться. Я и пожрать толком не успел из-за тебя!

Оба прихвостня Иннокентия Вениаминовича, негромко переговариваясь и матеря своего хозяина, углубились в лес.

Я облегченно вздохнул, но тут же меня словно обожгло: когда они не найдут моего тела, поймут, что я жив! А это означает, что мои мытарства на этом не закончатся и мне всю жизнь придется скрываться, словно преступнику, что меня рано или поздно найдут и тогда...

И в этот момент меня посетила одна интересная идея...

Надо попробовать!..

Дождавшись, когда землекопы-могильщики скрылись за деревьями, я осторожно подошел к джипу. Так и есть – мне повезло: джинсовый водила оставил ключи в замке зажигания! Я открыл дверь, уселся на удобное кожаное сиденье и завел двигатель. Сыто урча, мощный движок запел свою негромкую японскую песню. Для верности я поддал газку так, чтобы звук работавшего мотора был услышан наверняка, и не спеша стал удаляться от места стоянки.

– Стой, гад! – тут же раздался визгливый голос водилы. – Стой, убью, падла!

Я глянул в зеркало заднего вида и увидел, как они оба выбежали на дорогу и помчались вслед за мной. При этом охранник на ходу доставал свой пистолет, а Джинсовый воинственно размахивал саперной лопаткой, будто хотел ее использовать в качестве метательного снаряда. Мне стало даже смешно: ну не будут же они портить хозяйскую собственность!

Быть узанным я не боялся, поскольку сильно тонированный «Лендкрузер» надежно прятал меня от любого взгляда. Я намеренно двигался не слишком быстро, чтобы они не потеряли надежду меня догнать. Мой план заключался в том, что в погоне за мной они, возможно, оставят свое намерение вернуться в лес и выполнить указание босса.

Паф, паф, паф! – раздались вдруг резкие хлопки выстрелов. Неужели охранник все же решил применить оружие?

Наверное, в воздух стреляет! Я посмотрел в зеркало и обомлел: охранник картинно, словно в плохом боевике, двумя руками, тщательно целился в машину, видимо, по колесам. Вот придурок – ведь так и в бензобак попасть недолго! – ужаснулся я и инстинктивно надавил на педаль газа. Джип рванул, и мои преследователи остались далеко позади.

И только отъехав на приличное расстояние, я, наконец, остановился. Кешиных помощников видно не было. Что делать? Я понимал, что ехать дальше было опасно – они наверняка уже предупредили полицию об угоне. Того и гляди, наткнешься на пост ГАИ.

Я огляделся. Машина стояла посреди дороги, с одной стороны которой простирался лес, а с другой – заброшенное поле с редкой порослью каких-то чахлых растений. За полем угадывались несколько приземистых домишек. Похоже, деревня. Я вышел из машины, но затем вернулся, вынул ключи зажигания и забросил их как можно дальше. Пусть они помучаются, мне надо было выиграть время и заставить моих недругов как можно дольше задержаться в этом богом забытом месте.

Не знаю, сколько времени я добирался по раскисшему полю до малюсенькой деревеньки – полчаса или больше, но пока шел, беспрестанно оглядывался, опасаясь быть замеченным охранником и водителем. В том, что они не оставят попытки преследовать джип хозяина, я нисколько не сомневался, ведь у них были для этого все возможности – сото-

вая связь, попутный транспорт, помощь полиции, да мало ли что! И только юркнув за забор первой попавшейся избы – заброшенной, с заколоченными ставнями (что было весьма кстати), я сквозь редкий штакетник принялся спокойно наблюдать за джипом, хорошо просматривающимся на пустынной дороге.

Наконец, я увидел некое движение вокруг брошенной машины. Эти две внушительные фигуры я узнал даже издали. С усмешкой я следил за тем, как они размахивали руками, ходили кругами, а затем уселись в салон. Но уже через некоторое время джип развернулся и покатил в обратном направлении. Я заскрежетал зубами. Проклятье! Им удалось-таки завести двигатель без ключа! Гарантии в том, что они не захотят продолжить прерванные поиски моего несуществующего трупа, у меня не было. Моя глупая выходка с машиной ни к чему не привела... Во всяком случае, проверить это я уже не смогу. Делать нечего. Я вздохнул и решил обследовать избу.

Солнце было уже в зените, и я немного согрелся. Хорошо бы переодеться во что-нибудь более цивильное. Я обошел сиротливо стоявшую среди маленького участка избу с примыкавшим к ней то ли сараем, то ли баней, и попробовал на прочность все засовы. Крепкий, весь проржавленный замок на двери не поддавался, сбить его было нечем. Оставались окна.

Пришлось изрядно повозиться, прежде чем одно из них

отворилось. Кое-как отодрав доски, я с большим трудом сумел отжать одну из створок перекошенного от старости окна и влезть вовнутрь.

Через открытое окно в темную и сырую горницу проникали яркие лучи света, и мне стало немного веселее. Я осмотрелся. Когда-то чисто убранное помещение было покрыто толстым слоем пыли. Простая деревенская мебель состояла из прямоугольного стола посреди комнаты, длинной лавки у стены, старомодного комода с неизменными салфетками и нехитрой посудой, большого сундука, покрытого серым от пыли половиком, да трех грубоватых крепко сбитых табурета. В углу располагалась самая настоящая русская печь – словно из детской сказки, а возле нее была заботливо сложена небольшая поленница. Видно, что люди, покинувшие этот дом, были аккуратными и хозяйственными.

Здесь наверняка есть, чем поживиться! Я подошел к сундуку и с трудом приоткрыл его тяжелую скрипучую крышку. Сразу же пахнуло чем-то затхлым и гнилым. В темноте разглядеть его содержимое было невозможно, и я на время оставил эту затею. Поискал глазами выключатель. Его не было. Но мое внимание привлек стоявший на столе старый подсвечник с небольшим огарком стеариновой свечи. Рядом с ним валялся и коробок спичек. Неужели здесь отсутствует электричество?

Вооружившись хиловатым источником света, я перерыл верх дном весь сундук и среди женского и мужского тряпья

смог подобрать вполне приличный гардероб: голубые джинсы, чуть большего, чем нужно, размера, коричневую мужскую ковбойку, синюю тряпичную бейсболку с длинным козырьком и даже ветровку на молнии. За сундуком в углу я обнаружил стоптанные, но вполне еще крепкие ботинки с высокими берцами типа военных, оказавшиеся мне впору. После этого я отправился обследовать остальные комнаты в поисках съестного. Я рассчитывал в первую очередь на консервы, какие-нибудь соленья или хотя бы варенье, что было бы вполне логичным для загородного дома.

Быть замеченным кем-либо я особенно не опасался. Несмотря на начало летнего сезона, в эту деревеньку, судя по всему, никто не наезжал. Во всяком случае, признаков жизни в соседних домах я также не обнаружил. Ни людей, ни даже бродячих собак! И это было довольно странным...

На маленькой кухоньке и подсобке при ней я не нашел ничего съестного. Оставался только подпол, вход в который я без труда обнаружил в большой комнате. Страх я не испытывал, как не испытывал и угрызений совести за вторжение на чужую территорию и использование чужого имущества. Все равно это тряпье вряд ли уже сможет кого-нибудь заинтересовать, кроме меня.

Единственное, что меня беспокоило, это отсутствие воды, ведь ни колодца, ни какого другого источника во дворе я также не заметил. Как же здесь жили люди?

В довольно глубокий подпол вела крепкая на первый

взгляд лестница, и я стал осторожно спускаться по ней, освещающая путь неровным колеблющимся светом свечного огарка. Если ничего не найду в этом доме, обследую другие! В конце концов, отсутствие еды и питья – далеко не самые радикальные испытания, которым я подвергся за последнее время. Возможно, я даже не подозреваю, какие еще уникальные возможности заложены в моем организме!

Не успел я сделать и нескольких осторожных шагов по земляному полу, как подпертая поленом крышка подпола вдруг с грохотом захлопнулась. От неожиданности я сильно вздрогнул и выронил подсвечник. Непроглядная тьма мгновенно обступила меня со всех сторон, и мне невольно вспомнилось мое недавнее заточение. Вот напасть! Я ощупью двинулся к лестнице, поднялся по ступенькам и толкнул крышку, но... она почему-то даже не пошевелилась! Что за чертовщина?! Заклинило, что ли? Изо всех сил я налег на проклятую крышку, упираясь в нее обеими руками и даже головой. Еще усилие, еще и... тут подо мной подломилась одна из ступенек лестницы. Падая, я инстинктивно ухватился за другую, и... вся эта конструкция с треском рассыпалась подо мной. Со всего размаху я растянулся на полу, пребольно накрывая своим уникальным, но уже многострадальным телом то, что раньше было лестницей.

Я сидел и чуть не плакал. Более идиотской ситуации трудно было себе представить. Вот тебе и баловень судьбы!.. Я опять попал в переделку!..

Глава 9

Сколько прошло времени я не знаю. Меня охватила такая апатия, что всё вокруг будто перестало для меня существовать. Время и пространство потеряли всякий смысл, и никак мной не воспринимались. Ни одна мысль не посетила мою голову, ни одно чувство не пробудилось в моей душе, ни одно желание не дало о себе знать. Я просто сидел в крошечной тьме и абсолютной тишине, не шевелясь, словно истукан, и, казалось, чего-то ждал, не замечая под собой сырости прогнивших досок.

Может быть, я ждал очередной благосклонности судьбы в виде готового решения? Или своего внезапного озарения? Не знаю... Наконец, мое деятельное естество взяло верх над тупой апатией, и я, стряхнув с себя остатки оцепенения, поднялся с пола. Я решил хотя бы на ощупь обследовать небольшое, как я успел заметить, пространство подпола. К тому же, мне даже показалось, что мои глаза уже стали кое-что смутно различать.

Неужели это открылась еще одна уникальная сторона моих неисчерпаемых возможностей, и я подобно кошке могу ориентироваться во мраке? Это было бы очень кстати! Но... нет, это мне только показалось, а жаль!

Вытянув перед собой руки, шаг за шагом я принялся обходить сырое помещение, сильно отдававшее плесенью. По-

чему оно не проветривается? Странно! Насколько я знаю, любое подвальное помещение обязательно должно иметь не менее двух вентиляционных окошек! Так и весь дом запросто может прогнить, не говоря уж о продуктах в подполе!

Стены подвала были обиты плохо струганными досками, кое-где покрытыми сплошной паутиной и сырыми клейкими очагами плесени и гнили. Бр-р! Меня аж передернуло, когда я коснулся этой мерзости. Дальняя от люка стена представляла собой сплошной двухъярусный деревянный стеллаж. Ура! Неужели я найду здесь на полках какие-нибудь хозяйские припасы?..

Увы – рушились последние надежды – стеллаж, похоже, был совершенно пуст, если не считать твердых горошин мышиного или крысиного помета. При мысли о грызунах, меня тут же обуял почти панический ужас – сразу представилась страшная картина расправы полчищами крыс над моей живой плотью.

Так, всё, надо взять себя в руки! Наверное, больше от отчаяния, чем от недоверия к собственным ощущениям, я решил прощупать полки более тщательно. Ведь я обследовал далеко не все углы.

На нижнем ярусе не было ничего. Оставался верхний, расположенный на уровне груди, но достаточно высоко, чтобы дотянуться до его основания. Мне даже пришлось навалиться на него всей грудью. Кто так строит?! Внезапно центральная часть стеллажа поддалась под моим весом, и он с про-

тивным скрежетом стал медленно отодвигаться вперед, открывая все увеличивающееся пространство! Я еле устоял на ногах. Ничего себе!

В этот момент послышался негромкий щелчок, словно включился некий тумблер, и тишину прорезал характерный звук какого-то двигателя, по мере работы которого образовавшийся проход стал быстро заполняться мягким светом. Мне даже снова пришлось зажмуриться. Автоматический генератор электрического тока! Вот это да! Стеллаж-то оказался с секретом!

Я с удивлением рассматривал это чудо инженерной мысли, намеренно облеченное в неказистую форму. Это была вращающаяся вокруг своей оси конструкция, не более метра длиной, подобная тем высоким стеклянным турникетам, которые часто устанавливают перед входом в супермаркеты, с одной лишь разницей, что там использовались круглые по своей форме сооружения.

Ай да хозяин! Теперь понятно, почему этот жалкий подвальчик не мог служить хранилищем для продуктов – у него было другое предназначение! Ну что ж, сама судьба подсказывает мне выход из этой ситуации, и я смело шагнул в узкий проход.

Очутившись в просторном и абсолютно сухом продолговатом помещении, освещенном по всему периметру встроенными в потолок круглыми светильниками, я ахнул. Потому что это был... хорошо оборудованный склад оружия и бо-

еприпасов! Настоящий мини-арсенал огнестрельного и холодного оружия! Чего здесь только не было: пистолеты разных видов и калибров, автоматы, армейские карабины, снайперские винтовки, станковые пулеметы, гранатометы и даже несколько базук. Всё это самым аккуратным образом размещалось на металлическом стеллаже во всю стену в огромном количестве и выглядело совершенно новым – некоторые были даже в густой заводской смазке.

Ящики с патронами и гранатами штабелями были сложены в углу комнаты. В огороженном отсеке тарахтел портативный дизельный генератор. Я подошел ближе и ошарашено прочитал название на его кожухе: «Eisemann». Рядом с ним располагались несколько канистр с аккуратной надписью «Солярка». Где-то под потолком жужжала вытяжная система вентиляции. Да, всё здесь было солидно, надежно, поделовому, и всем этим богатством вполне можно было вооружить небольшую армию! Боже, куда я попал?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.